

Посвящаю эту книгу своим родителям

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга «Психиатрические головоломки» — это подборка научных эссе, посвященных наиболее сложным и актуальным проблемам современной психиатрии. Раньше бы это назвали «избранными произведениями». Я как автор выбрал темы, которые остаются на слуху профессионалов и простых людей. Мне крайне важно привлечь к обсуждению психиатрических головоломок тех, кто видит психиатрию не изнутри, а со стороны. Ведь у профессионалов нередко «замыливается глаз» и появляется искаженное восприятие реальности.

Каждодневно психиатры сталкиваются с диагностически трудными клиническими случаями и решают ответственную задачу по оценке психического состояния испытуемого и назначения ему адекватной терапии. В современных условиях пациенты и общество ждут от психиатров не просто диагноза, не «психиатрического талмудизма», когда даже сами врачи не могут понять своих коллег, а убедительных и внятных доказательств. Обыватель хочет быть участником, а не зрителем диагностического процесса. Он хочет понять, почему выставлен конкретный диагноз психического или поведенческого расстройства имяреку, чем именно руководствовались специалисты, оценить аргументированность и увидеть ошибки, если таковые имеются.

В книге собраны описания как нашумевших «психиатрических дел» последних лет (казусы акциониста Петра Павленского, трансмужчины Юлии Савиновских, активиста «Царя Ивана Облачного»), так и уникальных случаев малоизвестной широкой публике людей (математика Артема с синдромом Аспергера, психолога Дины с гипоманией после COVID-19). Помимо клинических случаев, мы обратились к темам, ответы

на которые в современной психиатрии пока не найдены. Нас заинтересовала проблема фейковых диагнозов в новых классификациях, нейромании и попыток все объяснить дисбалансом нейромедиаторов, научной обоснованности использования полиграфа, профайлинга и айтрекинга в диагностике психических расстройств, аддиктофобии и психофармакотерапии здоровых, небинарной гендерной идентичности, доказательной психотерапии, «презумпции психического здоровья» и некоторые иные острые темы.

Автор, изрядно поломав голову в каждом конкретном случае, демонстрирует собственный взгляд на перечисленные проблемы и приглашает к дискуссии не только коллег, но и всех заинтересованных в продвижении научной, этической и доказательной психиатрии лиц. Головоломки — это ведь крайне увлекательные задачи, развивающие наши мыслительные способности и делающие нас сообразительнее и умнее.

Приглашаю читателей в увлекательное путешествие.

**ДИСКУССИИ ОБ АКЦИОНИСТАХ
И ПСИХОПАТОЛОГИИ
ТВОРЧЕСКИХ ЛИЧНОСТЕЙ**

КАЗУС ХУДОЖНИКА-АКЦИОНИСТА ПЕТРА ПАВЛЕНСКОГО: ПСИХОПАТОЛОГИЯ ИЛИ СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО?*

Современная мировая психиатрия столкнулась с новым вызовом — постмодернистской реальностью, когда толерантное отношение к «инаковости» и плюралистичность позволяют признавать нормой широкий спектр индивидуальных стилей жизни и поступков, какими бы «чужаковатыми» они ни казались. Границы нормативного поведения расширились, сместившись в сферу девиаций и психической патологии. Постмодернизм поставил под сомнение объективность понятия «адекватность поведения», заменив его девизом «На ваше усмотрение» и предоставив человеку самостоятельно определять норму и ненорму³². Стали распространяться необычные для традиционной культуры формы социального поведения: «эпатаж», «жизнь по приколу», «шизо-культура». Для данного феномена появилось даже новое название — «метанормативное поведение»¹⁰. Утверждается, что, будучи «антинормативным (антистереотипным), оно не антиобщественно» и нередко оказывается востребованным, как любая иная игровая деятельность. По мнению В. Руднева, основной характеристикой нового феномена стала «актуализация шизотипического (аутистического) начала в культуре»⁴¹.

* Автору дано письменное разрешение П. Павленского (от 15.03.2015) на использование его медицинской документации (результатов психиатрического обследования, заключений судебно-психиатрических экспертиз, справок и др.) в научных и учебных целях.

В новых социокультурных условиях остро встал вопрос о критериях диагностики психических расстройств. Короленко Ц. П. и Дмитриева Н. В.¹⁹ обратили внимание на то, что «в постмодернистском обществе, в противоположность предшествующим ему традиционному и современному, наблюдается отчетливая тенденция к учащению ранее редко встречавшихся нарушений, наряду с появлением новых, не выделявшихся в прошлом форм. [При этом] серьезной... проблемой... становится увеличение количества лиц, индивидуально-психологические особенности которых хотя и не настолько выражены, чтобы формально определяться термином “психическое расстройство”, но тем не менее предрасполагают к возникновению межличностных конфликтов, кризисов и адаптационных затруднений».

В такой обстановке классические принципы диагностики психических и особенно поведенческих расстройств вошли в противоречие с новыми требованиями общественной жизни^{4, 6, 7, 28–30, 53, 54, 57, 58}. Возникла необходимость пересмотра базовых основ диагностики с сужением круга патологических явлений. Однако психиатрия выбрала другой алгоритм развития: в классификации психических и поведенческих расстройств стали включаться все новые и новые «болезни» (расстройства), например такие, как «патологическое накопительство» (хординг)³². Расширение числа классифицируемых форм происходит сегодня в основном за счет поведенческой и аддиктивной патологии, путем признания расстройствами как девиантных, так и метанормативных форм поведения.

Этот процесс был назван «психиатризацией (психопатологизацией)» обыденной жизни^{29, 42}. В медицинской антропологии и социологии он обозначается термином «медикализация»^{55, 56}. Под медикализацией понимают процесс, при котором состояние или поведение человека рассматривается как медицинская проблема, требующая соответствующего решения^{2, 14, 26, 34}. Речь, по мнению В. Л. Лехциер²³, идет о медикализации широкого круга областей: повседневности, детства, сексуальности, тела, смерти, нормы, страдания, медиадискурса и т. д. Все начинает рассматриваться сквозь призму диагноза и необходимости лечения. «Можно сказать, что медикализация — это процесс патологизации общества, производства пациентского самосознания»²³.

Следует признать, что многие аргументы ученых, отмечающих углубление тенденции медикализации обыденной жизни и критикующих психопатологизацию, носят аргументированный и разумный характер. Ведь данный процесс сказывается как на результатах каждодневной клинической практики психиатров, так и на обоснованности заключений судебно-психиатрических экспертиз и переводит тему медикализации (психопатологизации) из академической в сферу с опасными для «пациентов» социальными последствиями.

Особые диагностические сложности возникают у психиатров в случаях оценки психического состояния и поведения людей творческих профессий. В этом отношении дискуссионным представляется случай художника-акциониста Петра Павленского, совершившего в течение последних лет несколько «художественных акций» (перформансов), вызвавших широкий общественный резонанс и послуживших основанием для назначения судебно-психиатрических экспертиз. Во время акций он, находясь обычно в обнаженном виде, иногда с использованием членовредительства (прибивания гвоздем мошонки к мостовой, отрезания мочки уха или зашивания рта), в метафорической форме демонстрировал «протест против несправедливого государства, попирающего свободу творческой личности».

По мнению коллег (ведущих искусствоведов, художников, писателей, журналистов), П. Павленский — талантливый художник, «Репин нашего сегодня», а его акции следует трактовать как разновидность авангардного искусства^{11, 18, 49, 50}. С точки зрения государства, обывателей и следствия, Павленский — это хулиган, экстремист или психически больной^{18, 25, 45, 46, 49}. А.В. Скиперских⁴⁷, изучавший опыты протестного дискурса в современной России, указывает, что поведение Павленского следует рассматривать как политический перформанс, который «представляет собой своеобразный ответ на действия власти не в рамках существующих институтов, не через созданные для этого механизмы, а непосредственно». Другие исследователи творчества П. Павленского обращают внимание на то, что он «сознательно не связывается ни с какими политическими силами или капиталами, живя в абсолютной свободе и такой же бедности. Художник равноудален от... большей части новых великих художников, застревающих в “узких

кругах” и приятных компаниях себе подобных, поддающихся соблазнам коммерческого искусства или уходу в прямое политическое действие... Его [Павленского] знают, его акции обсуждают и, даже когда воспринимают их как выходку нелепого придурка, интуитивно понимают (или хотя бы переживают)»³³. С точки зрения М. Илюхина¹⁷, все же крайне сложно установить различия между политическим активизмом, результаты которого показывают на выставках, и искусством, когда предметом внимания становится современная политика.

Суть художественного творчества П. Павленского заключается в совершении акций, когда «в холст превращаются улицы и площади, зрительный зал и сцена смешиваются, зрители принимают участие в действии, сами того не понимая»³⁵. При этом в соответствии с художественным замыслом акции документируются на видео или фото и впоследствии демонстрируются. Искусствоведы считают перформансы П. Павленского неравнозначными по художественной ценности.

За последние годы П. Павленский совершил несколько акций, названных им «Шов», «Туша», «Фиксация», «Свобода», «Отделение», «Угроза». В рамках акции «Шов» (2012) Павленский, зашив себе рот суровой ниткой, в течение полутора часов простоял в одиночном пикете у Казанского собора в Санкт-Петербурге, держа в руках плакат с надписью: «Акция Pussy Riot была переигрыванием знаменитой акции Иисуса Христа». «Зашитый рот стал моей личной трансгрессией, — рассказал П. Павленский¹¹. Процесс Pussy Riot меня очень сильно затронул. Я его рассматривал как удар по искусству и ожидал, что художники ответят достойно. Но были только разговоры. А рот я зашил потому, что процесс над Pussy Riot — это было требование заткнуться... Было любопытно построить какую-то конструкцию на территории власти, которая бы ей не нравилась, но при этом власть не знала бы, что с тобой делать. Я стал развивать эту тему, старался с помощью минимума средств, используя тело, создать какую-то метафору. Я дошел до такого состояния, когда стал испытывать страх того, что если не сделаю, если не отвечу происходящему, то не смогу остаться личностью, не смогу потом вообще ничего. В жизни я себя так не веду, я спокойный человек».

Художественная акция «Туша» (2013) проходила у здания Законодательного собрания Санкт-Петербурга. Ассистенты

принесли нагого, завернутого в многослойный «кокон» из колючей проволоки Павленского ко входу, где он безмолвно и неподвижно лежал, не реагируя на реплики и действия окружающих. Сотрудники полиции освободили его от проволоки при помощи садовых ножниц. Сторонники художника заявили, что «акция символизирует существование человека в репрессивной законодательной системе, где любое движение вызывает жестокую реакцию закона, впивающегося в тело индивида. Это метафора животной покорности, «выученной беспомощности» человека в загоне государственной машины». Соратница и гражданская жена Петра Оксана Шалыгина отметила, что метафора акции мгновенно и непосредственно была воплощена в реальности: «Как только проволоку разрезали и извлекли из нее художника, эта самая проволока впилась в него в виде сотрудников полиции, скорой помощи и многочисленных оперативников»¹³.

Наиболее шумевшая акция «Фиксация» (2013) была проведена Павленским на Красной площади у стен Кремля. Павленский, находясь в обнаженном виде, прибил свою мошонку гвоздем к каменной брусчатке. Сам он объяснил акцию так: «Голый художник, смотрящий на свои прибитые к кремлевской брусчатке яйца, — метафора апатии, политической индифферентности и фатализма современного российского общества».

Акция «Свобода» (2014) была организована на Мало-Конюшенном мосту Санкт-Петербурга и отражала «реконструкцию киевского Майдана». П. Павленский с коллегами подожгли автомобильные крыши и стали колотить палками по металлическим листам, «создавая характерное для киевского Майдана звучание». Акция, со слов организаторов, была высказыванием о политике коллективного освобождения.

Акция «Отделение» (2014) была проведена на заборе института социальной и судебной психиатрии им. В. П. Сербского, когда П. Павленский отрезал себе часть мочки уха. Художник объяснил эту акцию так: «Нож отделяет мочку уха от тела. Бетонная стена психиатрии отделяет общество разумных от безумных больных. Возвращая использование психиатрии в политических целях, полицейский аппарат возвращает себе власть определять порог между разумом и безумием. Вооружаясь психиатрическими диагнозами, бюрократ в белом халате отрезает от общества те куски, которые мешают ему установить

монолитный диктат единой для всех и обязательной для каждого нормы»³⁸.

Акция «Угроза» (2015) была проведена П. Павленским у входа в здание ФСБ на Лубянской площади в Москве, когда он поджег дверь и со смиренным видом встал впереди горящих дверей с канистрой в руках в ожидании собственного задержания. Суть действия художник объяснил так: «Горящая дверь Лубянки — это перчатка, которую общество бросает в лицо террористической угрозе... Страх превращает свободных людей в слипшуюся массу разрозненных тел. Угроза неизбежной расправы нависает над каждым, кто находится в пределах досягаемости для устройств наружного наблюдения, прослушивания разговоров и границ паспортного контроля»³⁸.

В рамках современного искусства подобные акции относятся к проявлениям перформанса — формы искусства, в которой произведение составляют действия художника или группы в определенном месте и в определенное время. Традиционно к перформансу относят любую ситуацию, включающую четыре базовых элемента: время, место, тело художника и взаимодействие художника и зрителя. В этом заключается отличие перформанса от таких форм изобразительного искусства, как картина или скульптура, где произведение определяется выставленным объектом^{9, 45}. Иногда перформанс характеризуют как «художник вместо произведения». Исследователь современного искусства Г. Преображенский так описал акцию «Угроза»: «Перцепт довольно ясный: фронтальная экспозиция, темнота, пылающая рама картины, некоторая новая зона в привычном, ниша, или, как говорил Хайдеггер, “разлом” картины, трещина посреди мира. И это не столько даже рама, сколько изображение самого искусства, современное искусство как пламя, огненная картина и автопортрет художника на фоне сущностного (огненного) изображения современного искусства, а художник с канистрой как поджигатель-творец... Если у Малевича квадрат — абсолютизация картины как картины, то здесь символическое выражение сути современного искусства... [У Павленского] все происходившее может быть названо “автопортрет художника на фоне современного искусства”»⁴⁰.

П. Павленский, причисляя свои акции к формам современного искусства, объяснял, что «произошла демократизация искусства, и это привело к тому, что многие формы

искусства, например классическая живопись, стали неактуальными. Художники начали искать новые формы для выражения»¹². А акционизм — это «попытка художника обозначить границу между традиционным искусством и общественной жизнью... любое произведение искусства, в том числе и классическое, требует объяснений. Даже если вы придете в Лувр и увидите какие-нибудь живописные работы мастеров Средневековья, вы будете удивлены тем, сколько неожиданного расскажет вам грамотный специалист. Может быть, даже обнаружите, что совершенно неправильно понимали картину».

Сходного взгляда придерживается известный искусствовед О. Свиблова, утверждая, что «Искусство — это символический объект и ничего больше. Вот в угол повесили “Джоконду” — и не знаем, что она “Джоконда”, и пошли мимо... Каждый видит в искусстве только то, что он способен увидеть. Это отражение нашего внутреннего мира»⁴³. Д. Драгунский¹⁶, высоко оценивая художественность акций П. Павленского, утверждает, что «искусство — это не только “похоже и красиво”». Это еще «и больно, и противно». Искусство — это всегда, даже в самые благопристойные времена, — немножко шок».

В. Нестеренко³⁵ задался вопросом, чем отличается современный акционизм как вид искусства от хулиганства, революции, восстания и погрома. По его словам, «граница между искусством и хулиганством пролегает в области чужого носа. Если художник размахивает руками в опасной близости от чужого носа, то это все же провокация. Как только нанесен первый удар и пошла чья-то кровь — искусство заканчивается». Сам П. Павленский неоднократно заявлял, что «во всех акциях, которые [он] проводил, не было ни одной жертвы, только [он] сам, если это слово здесь вообще употребляемо»¹⁵.

Акцию «Угроза» прокомментировали многие, например глава Московской Хельсинкской группы, правозащитница Л. Алексеева высказалась так: «Я категорически осуждаю его акцию. Если это перформанс, то это идиотский перформанс. Представляете, начался бы пожар, а внутри люди, они не смогли бы выйти, у них семьи и дети. Если бы люди сгорели, это как? Сначала все-таки его — к медикам. Нормальному человеку такой перформанс в голову не придет»²¹. По мнению Э. Лимонова, «Павленский — это наследник Герострата

и Малевича... Он много раз нарывался, и наконец-то у него это получилось... Я смотрю на это как на определенный выброс извращения искусства. Это, несомненно, сделано в русле перформансов. Если он раньше калечил себя, то сейчас он вдруг обратился против государства... Мотивы его поведения исключительно политические, и он должен быть судим как диверсант иностранного государства...»^{2, 24}.

Необходимость проведения судебно-психиатрической экспертизы П. Павленскому была обоснована, с одной стороны, декларированной следствием неадекватностью его поведения, с другой стороны, имевшейся информацией о том, что П. Павленский ранее наблюдался у психиатров и проходил лечение в психиатрическом стационаре. К тому же следствие отказывалось рассматривать акции Павленского как проявления современного искусства, а эксперты разошлись во мнениях. Вот отрывок из разговора следователя с П. Павленским¹⁵.

Следователь:

— Я... против искусства ничего не имею. И государство наше против искусства ничего не имеет. Это не 80-е годы. И не Советский Союз. Но вы должны разграничивать искусство и совершение противоправных действий.

Павленский:

— На самом деле нет границы, противоправные действия — это риторика, в которую пробуют облечь искусство.

Следователь:

— Да бросьте вы про искусство, тем более политическое. Давайте не будем хорошее искусство мешать с дерьмом.

Павленский:

— Что вы понимаете под искусством?

Следователь:

— Искусство как часть жизни.

Павленский:

— Искусство — это визуальные коды, вот с чем мы и работаем...

Следователь:

— Этот акт [акцию] как искусство расценивать можете только вы, все остальные люди расценивают это как акт не искусства, а вандализма.

Павленский:

— Об этом надо еще спросить этих остальных людей, есть много людей, много мнений... СМИ уже все сошлись на мнении, что это произведение искусства. Это контекстуализация, перенос контекста в информационном и символическом поле.

Мнение общественности о психическом здоровье П. Павленского выразил депутат В. Милонов: «Ему [Павленскому] лечиться надо, а не выставляться напоказ. Государство просто обязано обеспечить ему надежный уход, поскольку его действия демонстрируют, что он опасен. Он сам себе наносит вред: уши себе отрезает, завтра голову отрежет. Это просто рецидив суицидального синдрома или паранойи... Те психиатры, которые отказываются признавать его невменяемым, которые дышат модными веяниями, они сами, наверное, уже заразились. У психиатров такое бывает, что они сами себя странно ведут»⁵¹. Согласился с этим мнением и министр культуры РФ В. Мединский, порекомендовавший за информацией о Павленском обращаться в музей истории медицины и психиатрии.

Клиническое обследование Павленского Петра Андреевича 1984 года рождения*

История жизни и болезни испытуемого Павленского П. А. (со слов родственников и испытуемого). Раннее развитие без особенностей. В школу пошел своевременно, успеваемость была хорошей, занимался спортом (легкой атлетикой). В старших классах школы потерял интерес к занятиям, прогуливал уроки, отмечалась конфликтность с учителями. Сменил две школы. Окончил 9 классов, затем 11-й класс вечерней школы. С 16-летнего возраста — эпизодическое употребление разных психоактивных веществ (анаша, кокаин, ЛСД, «грибы»). Героин употреблял в течение двух лет. Со слов П. Павленского, «хотел перепробовать все наркотики». В дальнейшем (с 2002 года) полностью отказался от употребления наркотиков и более не возобновлял: «закончился опыт наркотический,

* Было проведено нами 8 октября 2014 года с использованием интернет-коммуникации посредством системы Skype с устного информированного согласия испытуемого, находившегося в момент обследования в г. Санкт-Петербурге.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	7
ДИСКУССИИ ОБ АКЦИОНИСТАХ И ПСИХОПАТОЛОГИИ ТВОРЧЕСКИХ ЛИЧНОСТЕЙ	9
Казус художника-акциониста Петра Павленского: психопатология или современное искусство?	10
От Ганнушкина до Павленского: классификация расстройств и реальная жизнь.....	35
Царь Иван облачный в психиатрических палатах	41
О недопустимости использования психиатрии в культурологических дискуссиях	59
Психопатология как результат творчества	68
ДИСКУССИИ О ГРАНИЦАХ СЕКСУАЛЬНОЙ НОРМАЛЬНОСТИ.....	75
О многодетной матери Юлии Савиновских, лишенной приемных детей из-за желания сменить пол.....	76
Почему транссексуализм не является психическим расстройством, или Как сделать психиатрическую классификацию научной.....	97
Небинарная гендерная идентичность и трансгендерность вне психиатрического дискурса	110

КАЗУИСТИЧЕСКИЕ СЛУЧАИ	125
«Система дел» и проблема «удерживания нуля» математика Артема: шизофрения или синдром Аспергера?	126
Случай острой гипомании при COVID-19: повинен ли коронавирус?.....	151
ДИСКУССИИ О ПСИХИАТРИЧЕСКОЙ ДИАГНОСТИКЕ.....	163
Феноменология и симптоматология в современной психиатрии: все дальше от Ясперса.....	164
Фейк-диагнозы в психиатрических классификациях.....	178
Что дает пациенту психиатрический диагноз и обоснован ли тренд на увеличение числа болезней?	188
Нейромания и нейрофобия: как в психиатрии «физики» побеждают «лириков».....	194
Больничный по педофилии и инвалидность по наркомании	201
Спектры психических расстройств и проблема терапевтического релятивизма	212
Личностные расстройства (психопатии): сохранять ли в психиатрических классификациях и лечить ли антипсихотиками?	230
Полиграфология, профайлинг, айтрекинг и другие паранаучные методы психиатрической диагностики.....	241
Механизмы формирования фабулы бреда: роль личностно- средового и потребностно-мотивационного факторов	250
Психофармакотерапия здоровых и проблема off-label в современной психиатрии.....	261
К вопросу о человечности психически больных.....	270
Восприятие и переживание боли сквозь призму психической болезни.....	278

ДИСКУССИИ О ПСИХОТЕРАПИИ	297
Психотерапия на грани иррационализма	298
Доказательная психотерапия: между возможным и необходимым	305
Психотерапия «здравым смыслом», или Любит ли нас наше подсознание?	321
Психотерапия без психотерапевта.....	334
После психотерапии	351
ДИСКУССИИ О СУДЕБНОЙ ПСИХИАТРИИ	367
«Презумпция психического здоровья»: от уникального судебного прецедента к рутинной практике	368
Состязательность сторон в судебном процессе, связанном с оценкой психического здоровья участников	377
Экспертная оценка суггестивного воздействия.....	385
ДИСКУССИИ ОБ АДДИКТОЛОГИИ	403
Психиатрия в эпоху аддиктологии: новые диагностические и терапевтические реалии	404
Проблема аддиктофобии в современной психиатрии	423
История лечения алкоголизма в России: невыученные уроки	439
Алкогольная зависимость: достигаем ли целей лечения в условиях традиции неумеренного питья?	456
«Заграница нам поможет?», или Как грамотно организовать антиалкогольное лечение	474
Терапевтический потенциал использования электронных сигарет при никотиновой зависимости	491
Кальянокурение: медицинские, социокультурные и психологические аспекты.....	511